

Александр ЛЮБИЩЕВ (1890 – 1972)

О ГЛУПОСТИ (отрывок из дневника)

По поводу давно прочитанной книги Елачича о глупости мне хочется привести в порядок и занести некоторые собственные мысли по этому предмету, хотя они ещё слишком мало определены. Книга Елачича, в общем, очень поверхностна и далеко не последовательна. Глупость в его изображении характеризуется отрицательными чертами (слабость памяти, бедность представлений, медленность мышления, нелюбовь к мышлению, неумение отличать существенное от несущественного, неумение понимать причинную связь, лёгкая внушаемость, упрямство и нетерпимость). Автор, будучи правоверным дарвинистом, склонен видеть в глупости просто пройденную ступень в развитии, считает её большим злом и тормозом и считает возможным с ней бороться.

Мне представляется всё это совершенно неверным – несомненно, глупость – гетерогенное понятие и далеко не все сорта глупости вредны и опасны. Несомненно, много правды и во мнении Анатоля Франса, что было бы великим несчастьем для человечества, если бы оно внезапно поумнело. К числу таких «мудрых глупостей» мы должны отнести прежде всего косность масс (конечно, в сильном развитии она сильно тормозит движение, но полное её уничтожение имело бы такое же катастрофическое последствие, как уничтожение трения), а затем, так сказать, интенсивную ограниченность; первую можно было бы назвать (и вообще отнести к разряду пассивной), вторую – активной глупостью. Эта интенсивная ограниченность, например, ясна на примере Курбэ и странно, что Елачич, признавая в случае Курбэ «полезность» глупости, совершенно отрицает возможность полезности глупости в случае учёных, считая, что глупые учёные никогда не могут внести творческого элемента в науку.

Мне представляется, напротив, сомнительным, может ли внести действительно умный человек что-либо кроме критики, так как широкий ум видит одновременно все трудности (закрытые ограниченному уму), что часто парализует его усилия. В этом смысле опять-таки очень меткие суждения у

Анатоля Франса (во «Мнениях Жерома Коаньяра»): Жером Коаньяр именно образец вполне умного человека, который не исключал из презрения, питаемого к людям, и самого себя, и это не позволило ему сделаться великим мыслителем. Коаньяр не питал того убеждения, необходимого для людей науки, что он выше всех бывших ранее гениев. Ограниченность в этом смысле, по-видимому, необходимое условие гениальности.

Другим свойством гениальности является непоследовательность (в известном, конечно, смысле) и паралогичность. Здесь опять-таки приходится вспоминать вредное влияние на развитие науки чрезвычайно умных софистов и, пожалуй, общее явление, что прогресс в новых областях идёт сначала вопреки здравому смыслу и лишь потом, когда плодотворность нового направления принуждает признать его истинным, начинается работа по подведению основ под новое здание. Поэтому проявления глупости у нормальных людей, конечно, часто вредны и непонятны, но проявления того же свойства у людей способных может сослужить крупную службу человечеству.

Поэтому и борьба с глупостью, вероятно, невозможна (как всякое евгенистическое начинание), да и в случае возможности не принесла бы, по всей вероятности, ничего, кроме вреда, так как усердные гонители глупости наряду с ней уничтожили бы многое талантливое. Скорее обилие «махровой глупости» может служить, как это ни странно, утешительным признаком, свидетельствуя, что дифференцировка человеческого рода не уменьшается, а ведь, вероятно, именно широкая амплитуда (а не средняя величина умственных способностей) и отличает культурное человечество от некультурного. Сам Елачич признаёт, что в умственном отношении человечество вряд ли шагнуло вперёд по сравнению с Элладой, Вавилоном, Египтом, а значит, и прогресс знания не есть следствие прогресса человечества, а лишь следствие суммирования и накопления знаний.